

откомандировать Погодина в Симбирск, где 22 августа, в день коронации покойного императора Александра I, намечалось открытие памятника. Когда же стало известно, что министр то ли пожалел выделить деньги на путевые расходы академика, то ли хотел продемонстрировать, что его мало интересует такое событие, как открытие памятника Карамзину, но отказал в командировке, Александр Михайлович Языков попросил брата-поэта передать Погодину, чтобы его не останавливала эта скаредность: «Прогоны ему возвратит дворянство. Уваров поступил очень невежественно». И Николай Михайлович обращается к Погодину: «Поезжай же 16 августа в ночь. К 20 или 21 августа ты будешь на месте. В Симбирске прямо въезжай в дом П.М.Языкова, а на обратном пути ты поедешь оттуда на Арзамас, Муром и проч. Непременно заезжай ко мне в село Языково... Там днюй и ночуй и проч. Я пишу туда, чтобы тебя там ждали и приняли бы с подобающей честью!»

Погодин, для которого Карамзин был «достойнейшим из русских писателей, отразившим в своих бессмертных творениях гениальные дарования, чувства патриотические и вообще русский дух», 17 августа помчался из Москвы на курьерских и уже 21-го, усталый, но довольный, добрался до Симбирска. Однако там, «по обстоятельствам», открытие отложили на день, то есть до 23 августа. Впрочем, накануне вечером в доме губернатора собрались верхушка местного общества и почетные гости — прибывшие в Симбирск сыновья историографа Андрей и Александр Николаевичи Карамзины, и перед присутствующими выступил Погодин со своим похвальным словом о знаменитом симбирянине.

Суть его заслуг в области русского языка и словесности Погодин сумел изложить в одной, но очень емкой фразе: «Он очистил Русский язык, освободил его из-под классического влияния, указал ему настоящее течение, обработал слог, обогатил Словесность, представил сочинения во всех родах: письма,

Во все времена года этот сквер в центре Ульяновска имеет свое очарование. Весной — это лиловое кружево цветущей сирени, летом — зеленый и тенистый шатер листвы деревьев и кустарников, зимой — это белые ветви, поблескивающие кристаллами инея и долголежащий ослепительный снег. И всегда, в любую погоду здесь выделяются сосны, придающие скверу особую привлекательность. И над всем сквером возвышается величественная муза истории Клио...

Сквер, где стоит памятник Н.М.Карамзину, — единственный уголок города, где сохранились насаж-

СИРЕНЕВЫЙ ОСТРОВ

Николай Раков

дения 60–80-х годов прошлого столетия. Это отдельные экземпляры деревьев и кустарников и групповые посадки сирени обыкновенной и жестера слабительного.

Работы, начатые весной 1896 года по созданию Карамзинского сквера и бульвара на Венце, были в основном завершены к концу того же года. «Нынешнюю весною мы увидели Соборную площадь, превращенную в

сквер... осенью такое же превращение сделалось с Карамзинской площадью, сад которой представляет совершенно правильную фигуру в $45\frac{1}{2}$ длины и $35\frac{1}{2}$ сажени ширины... — писали «Симбирские ведомости». — Это новое украшение Симбирска потребовало более тысячи корней различных деревьев и двадцать две тысячи разного рода кустов». А если быть точными, то для посадки было куплено тогда 10 400 саженцев желтой акации, сирени — 1000, спиреи — 700, «английской рябины» — 3000, жасмина (чубушника) — 300, вишни — 200, кустарников других видов — 100 саженцев.

повести, рассуждения, похвальные слова, разговоры; возбудил участие к сочинениям знаменитых писателей, познакомил с иностранными литературами, перевел множество образцовых произведений со всех новых языков, привел в движение Словесность, распространил охоту к чтению, умел возбудить любовь к знаниям, коснулся до всех современных вопросов, учил рассуждать политически, наконец, начал возбуждать участие к Русской старине и познакомил с древними иностранными путешественниками».

В заключительной части похвального слова Погодин выразил свое благоговейное восхищение благородной личностью историографа и, обращаясь к слушателям, заявил: «Пусть памятник, теперь ему... здесь поставленный, одушевляет ваших детей и все следующие поколения в благородном стремлении к высокой цели Карамзина! Пусть он останется навсегда идеалом Русского писателя. Русского гражданина. Русского человека...»

Утром следующего дня, 23 августа, при первых ударах колоколов, в кафедральном соборе в парадной одежде собралось все начальство, дворянство, купечество, воспитанники гимназии и духовной семинарии, а у входа толпились массы простых обывателей.

Заупокойную литургию совершил архиепископ Феодотий. После нее следовала панихида, а потом все отправилось к новой площади, где и состоялось торжественное открытие монумента. Скрывающая бюст Карамзина и горельефы завеса была снята при приближении процессии, но статуя Клио оставалась закрытою. Преосвященный произнес краткую молитву, окропил святою водою нижнюю часть памятника, которую он обошел кругом. Провозглашено было многолетие императору и всему его дому. Затем дьякон провозгласил «вечную память Историографу Николаю Михайловичу Карамзину» и многие лета симбирскому дворянству и всем почитателям памяти великого писателя. В конце богослужебной части

Как же выглядел Карамзинский сквер в год своего существования? По фотографиям того времени можно установить, что в мае — июне 1897 года в сквере было около 40 деревьев, где преобладали липа, береза и вяз. Из кустарников видна лишь живая изгородь из желтой акации — караганы древовидной, которая располагалась вдоль ограды по всему периметру сквера. Первоначально сквер имел деревянное ограждение из длинных жердей на крестообразных подставках. Проект металлической ограды-решетки разработал в 1867 году симбирский архитектор Н.А.Любимов, который ранее выполнил и проект

планировки Карамзинского сквера. Чугунная решетка была выполнена в мастерской симбирского мещанина И.В.Голубкова и в 1868 году установлена на цоколь из «ташлинского камня», как назывался песчаник, разрабатывавшийся в Сенгилеевском уезде.

Высаживалось в сквере довольно много цветов, гораздо больше, чем в настоящее время, причем ассортимент их постоянно менялся. Так, у монумента Карамзину в разные годы высаживались душистый табак, георгины, розы, то низкорослые — маргаритка, лобелия... К интересным фактам можно отнести посадку здесь в 1903 году одиннадцати

сортов роз, выписанных из Люксембурга.

В 1882 году произошло любопытное событие, благодаря которому Карамзинский сквер приобрел даже мировую известность. В это время профессор Чарльз Гибб и некто м-р Бедд из Нью-Йорка, путешествовавшие по Волге ради изучения местного плодоводства, обратили внимание на дикие груши, растущие в Карамзинском сквере. Вернувшись в Америку, Чарльз Гибб опубликовал брошюру «О плодах в России», изданную в переводе в России в 1885 году. «В Симбирском общественном («Карамзинском») сквере, — пишет автор, — дикие груши

торжеств Феодотий, обратившись к бюсту Н.М.Карамзина, произнес заключительное слово.

Глубокое впечатление на присутствующих произвело выступление известного поэта-симбирянина Д.П.Ознобишина, который в своем стихотворении, в частности, выразил уверенность, что:

*Так, Русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к Отечеству, сей огонь неугасимый,
Восчувствует в груди.*

Затем избранное общество направилось в гимназию, где в зале, соседних комнатах и на хорах собрались многочисленные слушатели и слушательницы. «Историческое похвальное слово» М.П.Погодина, продолжавшееся около двух часов, закончилось единодушной овацией. По просьбе публики, и тоже под рукоплескания, Д.П.Ознобишин повторил свои стихи, прочитанные перед памятником. Завершился же торжественный день обедом в Доме

дворянского собрания, на котором гости следовали один из другим. Особенно пришлось по душе присутствовавшим тост М.П.Погодина: «Да процветает Симбирск, да являются отсюда беспрерывно, к славе Отечества, премники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых, Языковых... Ура!»

Рассказы родных и приехавшего в Москву Погодина о всеобщем энтузиазме при открытии памятника одушевляюще подействовали на поэта Николая Языкова, и он в стихотворении «На объявление памятника историографу Н.М.Карамзину», используя строку из державинского «Памятника», пророчески заявил:

*Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир или столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!*

являются прекрасным орнаментным деревом и, кажется, таким, которое менее всего страдает от сухости воздуха и уменьшенного количества дождя». После этой публикации грушами из Карамзинского сквера заинтересовались и западноевропейские садоводы. Появились заказы на черенки груш, причем именно из Карамзинского сквера, которые отправлялись из Симбирска для одной из фирм германского города Эрфурта, а также в Северную Америку. В результате грушевые деревья Карамзинского сквера стали гордостью среди симбирских садоводов.

Три сосны, сохранившиеся до настоящего времени,

были посажены в конце 80-х или в начале 90-х годов XIX века. В эти же годы высаживались березы и тополя и, возможно, другие виды деревьев и кустарников. Два тополя и одна береза, словно могучие стражи возвышаются у северной границы сквера. А в 30-е годы в сквере появились ясень пенсильванский, выделяющийся в зимнее время коричневыми плодами, да клен американский. За памятником Карамзину стоят два крупных дерева, стволы которых с пепельно-серой трещиноватой и чешуйчатой корой внешне ничем не отличаются друг от друга. И только посмотрев вверх, на крону, можно

заметить между ними разницу — один из них вяз, а другой ясень пенсильванский.

Ограда на восточной стороне сквера была разобрана и площадь сквера увеличилась до 1,16 гектара против первоначальной — 0,74 гектара.

Сейчас в сквере в современных границах произрастает около трехсот деревьев и кустарников, представленных 16 видами из 14 родов и 11 семейств, и добрая половина из них приходится на «жемчужину весны» — сирень обыкновенную — любимый кустарник Николая Михайловича Карамзина. Это настоящий сиреневый остров!

На осеннем Венце

Памятник Н.М.Каразину

Карамзинский сад
Калитка дома
фабриканта-лесоторговца
Н.Я.Шатрова